

Н. Н. ЖОЛНЕРКЕВИЧ
Республика Беларусь, г. Минск

ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «РУССКАЯ КУЛЬТУРА» В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Традиция рассмотрения культур через отнесение их к мужественным или женственным уже прочно укоренилась в философском сознании. Самым распространенным примером, пожалуй, является обозначение западной культуры как мужественной (признаки рациональности, активности), а восточной – как женственной (иррациональной, пассивной). Россия, находясь между Востоком и Западом, в этом контексте являет собой совершенно особый случай. При этом для западной культуры, мужественной и андроцентричной, русская культура представляется как женственная, Россия – «как радикально иное» Западу. «Иное, “чужой” – это начало и дьявольское и Божественное, это всегда и страх и

надежда: надежда на чудо, на спасение» [5, 21]. «Женственность» (чуждость) для маскулинной культуры (для самой русской культуры в лице ее философов-мужчин) воспринималась неоднозначно: не признавалась и отвергалась (Жак Лакан: «Женщина не существует»), не понималась («Умом Россию не понять»), либо ассоциировалась с надеждами на лучшее будущее (мессианское предназначение).

Вопрос о женственном характере русской культуры затрагивался многими философами (А. Герцен, Н. Бердяев, В. Розанов, Н. Лосский, П. Флоренский). Наиболее аргументирована и концептуально выстроена позиция Н. Бердяева, который пишет, что природа русского народа определяется как «женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он (народ) всегда ждет жениха, мужа, властелина» [1, 4]. В. Розанов также отмечает в русских «свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям», «женственную уступчивость и мягкость» [4, 328].

Особенность соотношения мужского и женского начал проявляется в оппозициях Восток – Запад, язычество – христианство, свобода – государственность. Основные признаки, по которым русскую культуру относят к женственному типу, следующие: широта русской земли, неформленность, безграничность, религиозность, в которой смешалась христианская и языческая составляющие, поклонение матери-земле и Богородице, анархичность и антигосударственность. О. Рябов, исследуя «саму русскость как феминность», называет, кроме того, в качестве женственных такие черты, как непостоянство, максимализм, двойственность, противоречивость, эсхатологизм, открытость, пассивность, преобладание эмоциональной сферы над рациональной, простоту и естественность, жертвенность, терпение, покорность, милосердие, мягкость и, наконец, таинственность. Противостояние своего (православного, позитивного, «женственного») и чужого (иноверного, негативного, «мужественного») особым образом отразилось на формировании концепта пространства культуры и на соотношении в ней мужского и женского начал.

Сложная историческая, культурная, географическая ситуация, постоянное столкновение восточного и западного элементов определили противоречивость русского характера. Западная культура ограничена в пространстве и потому устремлена за свои пределы (это позволяет говорить о ней как о «мужественной»). Русская же культура из-за обширного географического пространства характеризуется всеохватностью и потому нуждается в оформляющем начале, привнесённом извне. Неограниченность, широта

русской земли, преобладание стихийного природного элемента стали признаками женственности русской культуры.

О. В. Рябов, проводя анализ национальной идентичности России через призму гендерных исследований, отмечает особенности ее пространственно-временного аспекта: «если время представлено в качестве маскулинного, то феминное соотнесено с вечностью» [5, 54], и с этим связаны аксиологические установки на мессианскую роль как России, так и русской женщины. Ю. Лотман также соотносит мужское и женское начала с пространственно-временным мироощущением и подчеркивает историчность мужского и вечность (соотнесенность с процессом рождения) женского взгляда.

Рассматривая специфику межкультурного положения России, Ю. Лотман отмечает, что «в структуре географии русской культуры исторически борются две модели, причем их столкновение – один из доминирующих конфликтов культурного пространства» [2, 744]. Первая – центристская. Москва расположена в центре религиозного и культурного пространства (ойкумены), она – центр всемирной святости и центр России. Модель культуры строится по концентрическому принципу. Следствием этого является конструирование антимодели – «центра греховности, культурного разложения или опасного, агрессивного центра, являющегося по своему месту во вселенной врагом России» [2, 744]. Вторая модель – культурно-государственного «эксцентризма», или эксцентрическая. Центр конструируемой религиозно-политической и культурной модели переносится за

пределы собственного государства. Например, Екатерина II начинала свой «Наказ» словами: «Россия есть держава Европейская». Та же идея просматривается в перенесении Петром I столицы в Петербург – ближе к Европе. И в этом смысле западный Петербург был противопоставлен восточной Москве.

Оппозицию «Москва – Петербург» можно рассматривать в гендерном аспекте. Москва – город, ассоциирующийся с женским началом (прежде всего женский род самого слова: Москва – столица, матушка-Москва). Собственно, допетровская, московская Русь характеризуется как «женственная» по отношению к «мужественной» петровской России. Петербург – город, с доминирующим мужским началом, это город Петра (преобразователя). Противостояние Москвы и Петербурга в данном контексте приобретает своеобразную коннотацию: противостояние национально-русско-женственного (своего) и западно-мужественного (чужого). Данное противостояние (диалог, ведущийся на протяжении всей истории) женственного и мужественного элементов задает специфику пространственного мироощущения. В культурном масштабе Россия ассоциируется с женственным началом, Европа – с мужественным. Внутри культуры это соотношение проявляется в постоянном диалоге двух элементов: русского и западного, женственного и мужественного. Причем этот диалог репрезентируется своеобразно: женское, стихийное начало доминирует над мужским, для преобладания которого требуются определенные усилия, преобразования. Мужское начало не раскрывалось полностью, а подавлялось женственностью русской культуры, поглощалось в лоне матери-земли, не справлялось со стихийностью и анархизмом.

В этом недостатке мужественности, в женственной пассивности, переходящей в «бабье» и даже в «рабье», усматривается беда русской души. Революция, по мнению Н. Бердяева, должна была изменить ситуацию. С одной стороны, революционный дух протеста, силы, бунта имеет мужские черты. Женственно-пассивный народ восстает против государства. Но, с другой стороны, революция привносит хаос, а не порядок, разрушает, а не строит; тем самым являет собой стихийное женское начало. «В революции русская баба пошла на мужика. ... Баба-революция пошла на мужика-государство» [4, 261].

С интеллигенцией также связывались надежды на пробуждение мужественного духа русской культуры, призванного внести Логос и рациональное начало в стихию русской души. Однако сама интеллигенция обнаруживает скорее женственную, чем мужественную, природу, «русские мальчики» всегда искали духовного брака на стороне, интеллигенция черпала мужественный дух из западных (особенно германских) учений» [5, 141].

Отношение к западному (мужскому) миру было одним из главных вопросов русской культуры и на протяжении всей послепетровской эпохи. Можно сказать, что чужая цивилизация до сих пор выступает для русской культуры как своеобразное зеркало и основной смысл интереса к «чужому» в России традиционно является методом самопознания. Ю. Лотман отмечает, что данный процесс можно представить «как конфликт между центростремительными силами с их пределом – точкой центра и центробежными, тяготеющими к тому, чтобы потерять границы вообще, к безграничной всемирности» [3, 411]. Женственно-стихийное, всепоглощающее начало русской культуры желает вместить в себя то чужое (западное, мужское) и сделать его своим. Такая принимающая активность вполне свойственна и русской культуре, и русской женщине, в которой вполне уживались два стереотипных, противоположных представления о «мужественности» и «женственности», противостояние которых стало специфической чертой, характерной для концепта русской культуры.

1. Бердяев Н. Судьба России. М., 1990.

2. Лотман Ю. М. Современность между Западом и Востоком // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.

169

3. Лотман Ю. М. Тезисы к семиотике русской культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи. М., 1994.

4. Розанов В. В. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990.

5. Рябов О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.

170